

Принцесса Яогуан создала собственный стиль меча, названный «Искусство меча Опадающих Листьев». Недавно на реке, когда лодка перевернулась и волны вздымались, Лэ Юй не успел раскрыть свой складной веер, как белая лента, словно живой змей, уже устремилась к нему. Беззвучно, как тень, она следовала за ним. Лента в рукаве была длиной всего в несколько чжан, но внутренняя энергия, заключенная в ней, казалась безграничной, будто могла покрыть тысячу ли. Везде, где проходила лента, вода реки рассекалась невидимыми мечами.

Лэ Юй воскликнул:

— Отлично!

Принцесса Яогуан была так похожа на него — оба они достигли уровня младшего гроссмейстера, находясь в стесненных обстоятельствах. Он был заточен в библиотеке с тысячами книг, она же сидела в клетке своих покоев, ограниченная маленькой комнатой, но в их сердцах кипела неугасимая жажда. В узости они размышляли о просторах неба и земли, в полной тишине постигали предельную динамику одного удара. Десять лет они точили меч, но мир этого не видел! Холод и лишения, которые они пережили, были настоящей пыткой для души.

Как Лэ Юй сможет противостоять её лёгкому и холодному удару, который, словно давний сон, парил над водой?

В этот момент раздались звуки цитры, холодные и одинокие, исполняющие мелодию «Ишуй» в тональности Юй. На палубе корабля, где лежала цепь, перекинутая через реку, веял ледяной холод. Мелодия «Ишуй» таила в себе смертельную угрозу. Под пальцами Су Цы струны ощущались ледяными и шероховатыми, но она, словно отвечая Лэ Юю, сидела на носу корабля, держа семиструнную цитру, и её пальцы двигались без единой ошибки. Мелодия проникала в ночь, где шелестели листья лотоса на реке. Складной веер вылетел и обернулся вокруг белой ленты, затягиваясь всё туже. Их внутренние энергии сплелись, и волны на реке поднялись, сталкиваясь друг с другом, разбрасывая два корабля в стороны.

Лента натянулась так сильно, что казалось, вот-вот порвётся. Но в этот момент Лэ Юй вдруг улыбнулся. У Принцессы Яогуан были «Четыре меча Опадающих Листьев», а он создал «Три божественных приёма». Говорили, что он убил Короля гу с Небесных гор, используя первый приём — «Божественный орёл». Этот приём воплощал идею: «Божественный орёл в мечтах о болотах, не обращает внимания на коршунов. Для господина — один удар, и он взлетает в небеса». Несколько волн меча ударили по воде, брызги, размером с горошину, поднялись, ослепляя глаза. Принцесса Яогуан резко сузила глаза, и её энергия обрушилась, словно тысяча гор и морей, с невероятной силой. Волны на реке рванулись, как миллион снежных львов, но лента не успела опутать Лэ Юя, как кокон, её уже разорвал край веера. Веер проскользнул через разрыв и мелькнул перед глазами Принцессы Яогуан. Она успела разглядеть надпись: «Все изменения подвластны мне, ничто не может противостоять моей силе».

В искусстве меча есть Путь бесстрастия и Путь чувств. Путь бесстрастия имеет строгие формы, а Путь чувств бесконечно изменчив.

Принцесса Яогуан быстро отклонилась, ступила на мачту и отвела ленту, чтобы столкнуться с веером. Её широкие рукава развевались, как крик одинокого гуся на ветру, но грянул громкий удар! Волны разбились, как рассыпающийся песчаный холм, мачта сломалась, и вода хлынула на палубу. Волны меча разошлись, ударив по людям на корабле. Раздалось несколько глухих звуков, и кто-то упал в воду. Оба бойца пошатнулись. Веер раскололся, лента порвалась. Лэ Юй стоял на носу корабля Зала Заточки Мечей, держа в руках повреждённый веер, который снова вернулся к нему.

Если говорить только об искусстве меча, то оба оружия были разрушены. Что дальше? Все вокруг не понимали, что произошло, но видели, как эти двое, едва столкнувшись, резко разошлись. Их поединок прервался на звуках мелодии «Ишуй». Все затаили дыхание, и в Зале Заточки Мечей, и в Павильоне Весеннего Дождя, все понимали, что события этой ночи, возможно, станут легендой в мире рек и озёр.

Лишь двое были исключением. Первым был Князь Цзинчэн Сяо Шанли. Он не любил людей из мира рек и озёр, но, почему-то, увидев Лэ Юя, почувствовал необъяснимое волнение и растерянность. Вторым был Мо Ецянь, который всё время наблюдал за Князем Цзинчэн. Он не знал о паре любовных гу, но считал, что князь, сохраняя холодное и высокомерное выражение, внутри всё же ждал, что кто-то придёт на помощь. Как будто проститутка ставит себе памятник. Он, казалось бы, беззаботно пил вино, но в тот момент, когда князь наконец взглянул на фигуры за бортом, незаметно бросил две маленькие красные таблетки в бокалы князя и его старшей сестры, наложницы.

За бортом всё успокоилось, но мелодия «Ишуй» всё ещё не смолкла. Кто победил, знали только двое, сражавшиеся на мечах. Принцесса Яогуан на мгновение расслабилась, слушая мелодию, и с горькой усмешкой произнесла:

— Я — первая среди младших гроссмейстеров, но не первая в искусстве меча.

Она следовала Пути бесстрастия, а Лэ Юй — Пути чувств. Сегодняшний вечер не был победой чувств над бесстрастием. Если бы она решилась на всё, Лэ Юй не смог бы ей противостоять. Но она сдержала свою внутреннюю энергию, сравнивая только искусство меча, и поняла, что её внутренний мир безграничен, но в мече она смогла проявить лишь половину своей силы, а Лэ Юй — семь частей.

Принцесса Яогуан отбросила печальные мысли и спросила:

— Этот удар — «Божественный орёл»?

Увидев, что Лэ Юй улыбается в подтверждение, она усмехнулась:

— Продолжать состязание бесполезно.

В её словах не было желания продолжать борьбу. Она махнула рукавом, но всё же не смогла не взглянуть на ленту, лежащую на полу. В её сердце смешались чувства.

В настоящем бою она могла бы победить Лэ Юя, так как её внутренняя энергия была намного сильнее. Но в состязании меча она не хотела подавлять противника силой, и любой, кто увлечён искусством меча, должен презирать такой подход. У неё был такой характер и смелость, что она отказалась от преимущества своей энергии, используя свои слабости против сильных сторон другого, стремясь к поражению, чтобы узнать свои недостатки и улучшить их. Сколько мужчин в мире способны на такое?

Лэ Юй, наблюдая за ней, почувствовал не только уважение, но и боль в сердце. Эта красавица с гладкой кожей, изящными бровями и глазами, как дым, пальцами, похожими на ростки бамбука, была знаменитой Принцессой Яогуан. Такая женщина, несомненно, прошла через многое и не хотела, чтобы её жалели. Лэ Юй, не обращая внимания на собственную гордость, поднял две части ленты, смахнул пыль и, сложив руки, поднёс их ей, сказав:

— Оскорбить такую красавицу — величайший грех. Благодарю вас за снисхождение.

Принцесса Яогуан ответила:

— Я не щадила вас.

Взяв ленту, она сказала:

— Я уступаю вам в мастерстве. Сегодня я впервые увидела, что есть небо за пределами неба. Теперь вы можете забрать кого хотите, я вернусь в Куньчэн и попрошу у учителя прощения.

Перед наставником из Северной Хань она возьмёт на себя вину за то, что отпустила Князя Цзинчэн. Воины Зала Заточки Мечей больше не будут препятствовать Лэ Юю. Это было для его удобства и для их собственной безопасности. Сказав это, она повернулась и вошла в каюту, Лэ Юй последовал за ней.

За ширмой с изображением охотника на тигров каюта, ранее покрытая белым ковром, теперь была залита светом, освещая пятна жира и крови. На оленьих копытах и верблюжьих горбах лежала отрубленная рука, и в запахе жареного мяса разливался лёгкий аромат крови. Молодой человек с красными губами и глубокими глазами всё ещё носил следы пощёчины на щеке, которая выделялась, как цветок персика. Служанка с лампой стояла на коленях у его ног, и он положил свою ногу в сапоге на её руки.

В этот момент музыка стихла, но Лэ Юй ничего не заметил. Принцесса Яогуан уже сидела, а напротив неё был Князь Цзинчэн. Она была невероятно красива, но в сравнении с князем её красота казалась бледной. Его лицо в свете свечей было словно снег, отражающий белый свет в ночи, окружённый облаками и туманом. Даже если бы все цветы мира упали на землю, они не смогли бы сравниться с его красотой. Их красота соперничала, сияя так ярко, что было невозможно смотреть на них. Лэ Юй, ослеплённый их сиянием, чуть не упал, потрясённый. Очнувшись, он внутренне усмехнулся над Чуньбао: «Вот дурачок, ничего не понимает в красоте!» Из-за него Лэ Юй был совершенно не готов к красоте Князя Цзинчэн и сильно удивился.

Это было удивление от красоты.

Сяо Шанли чувствовал, как его сердце бьётся, словно барабан, и, стараясь сохранять спокойствие, выпил перед собой бокал вина, надеясь успокоиться. Увидев это, Мо Ецянь тихо улыбнулся и с холодным взглядом посмотрел на свою старшую сестру, чувствуя злорадное удовольствие.

Этот препарат назывался «Корень страсти». Он искал его много лет и нашёл только две таблетки. Через два месяца после приёма человек незаметно «укоренялся в страсти». Тогда достаточно было небольшого количества специального ингредиента, чтобы вызвать у отравленного желание. «Корень страсти» не имел противоядия, и эти приступы желания продолжались до тех пор, пока отравленный или его партнёр не забеременеет. Только тогда яд исчезал сам собой.

Он искренне восхищался ей, но она никогда не смотрела на него! Мо Ецянь хотел, чтобы его старшая сестра забеременела от него, но долго колебался, не решаясь самому стать отцом. Теперь он уступил Князю Цзинчэн. Если его старшая сестра, наложница, окажется беременной от князя Южной Чу, это станет позором, который невозможно будет скрыть, даже если она была младшим гроссмейстером. Мо Ецянь считал, что она всё же женщина, и после такого её шансы достичь уровня гроссмейстера будут потеряны навсегда. Это был риск, но его ненависть к ней перевесила. У него было два месяца, чтобы тщательно всё спланировать, и он мог свалить всё на Князя Цзинчэн.

<http://bllate.org/book/15272/1348052>